Елена Катишонок

когда уходит ЧЕЛОВЕК

роман

Елена Александровна Катишонок
Когда уходит человек

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316555
Когда уходит человек: Время; Москва; 2011
ISBN 978-5-9691-0961-2

Аннотация

На заре 30-х годов молодой коммерсант покупает новый дом и занимает одну из квартир. В другие вселяются офицер, красавица-артистка, два врача, антиквар, русский князь-эмигрант, учитель гимназии, нотариус… У каждого свои радости и печали, свои тайны, свой голос. В это многоголосье органично вплетается голос самого дома, а судьбы людей неожиданно и странно переплетаются, когда в маленькую республику входят советские танки, а через год – фашистские. За страшный короткий год одни жильцы пополнили ряды зэков, другие должны переселиться в гетто; третьим удается спастись ценой рискованных авантюр. Рвутся любовные узы и связь прошлого и настоящего; выбирать приходится не между добром и злом, а между большим злом – и злом поменьше… Потом война кончается, но начинается другая – война власти против своего народа. Дом заселяют новые жильцы – бывший фронтовик, телеграфистка, старые большевики, шофер такси, многодетная семья… Стройная композиция, цепко схваченные детали, тонкий

психологизм, легкая ирония, импрессионистская манера письма – все это отличает новый роман Е. Катишонок.

Содержание

Часть 1 6
Часть 2 45
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Елена Катишонок
Когда уходит человек

Жене

СПАСИБО

Вадиму Темкину, оказавшему мне неоценимую помощь и поддержку блестящей эрудицией и глубоким знанием фактографического материала.
Автор

Автор считает своим долгом предупредить, что все без исключения герои – плод писательского воображения, поэтому возможные совпадения имен с реальными случайны и непреднамеренны.

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит -
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит
О. Мандельштам

Встань и иди в дом твой,
и как скоро нога твоя ступит

в город, умрет дитя.
3-я Книга Царств, 14

Часть 1

Старый дощатый забор, тянувшийся между двумя высокими каменными домами, сломали быстро и аккуратно, точно сдернули занавес. Зрителям – вернее, прохожим – открылась трава с проплешинами земли, развесистые лопухи и молодое каштановое дерево в правом дальнем углу будущего двора.

Пока шло рытье котлована, закладка фундамента и все то, что составляет процесс созидания, дом еще не знал, что вот-вот превратится в частичку Города – незаметную, но необходимую, как один из новых кирпичей, умело вплетаемых реставраторами в кладку старинного собора там, где она начала разрушаться от времени. Не знал, как не знает, что его ждет в мире, плод в утробе матери – и даже не подозревает о существовании самого мира, пока мир не огорошит его настолько, что защищаться от него придется отчаянным криком.

Появившись на свет, дом нетерпеливо выпутался из строительных лесов, в которые был укутан заботливо, как дитя в пеленки, и обнаружил себя стоящим на тихой Палисадной улице, которая отходила нешироким рукавом от Гого-

левской, ведущей к вокзалу, где проходила граница Московского форштадта и начиналась центральная Часть Города. Кончалась Палисадная перекрестком с другой улицей, название которой дому еще предстояло выучить, но высокий костел на той улице и кладбище, которое по жизнерадостности дом принял поначалу за парк, запомнились сразу.

Родился дом в сравнительно благополучном 1927 году и в удачном, с точки зрения заселения, месте: центр находился совсем рядом, но цены на жилье были ниже, чем там. В довершение удачливости выпало ему носить номер «21», что было зафиксировано трижды: черно-золотыми цифрами на верхнем стекле парадного, блестящей эмалевой табличкой на стене и где-то в бумажных скрижалях муниципалитета. Итак, на Палисадной улице вырос дом со счастливым номером. Сама улица была скромным ручейком старинного города, который на карте выглядит, как жемчужина на дне бокала, где вместо вина – студеная и прозрачная морская вода. К сожалению, на карте не видна знаменитая Соборная башня, с верхней площадки которой виден весь Город с окрестностями, да и не удивительно, ведь башня эта – самая высокая в Европе. Город располагался на западной окраине России – такой западной, что звучала здесь, на фоне протяжной и задумчивой местной речи, привычная русская, а вперемешку с нею и немецкая, и польская, и еврейская, и белорусская, и… Звучали и перекликались слова разных языков, отчего Город иногда напоминал вавилонскую башню, строители ко-

торой не утратили еще способности понимать друг друга и с энтузиазмом продолжали класть новые и новые камни, а сам Город вот уже восьмой год являлся столицей независимой – ни от России, ни от кого бы то ни было – республики.

Внешне дом походил на корректного молодого дельца, каких в Городе было немало. Темно-серое ратиновое пальто – и гранитная облицовка такого же цвета; новая шляпа-котелок – и блестящая свежей жестью крыша, две простые и прочные, как английские ботинки, ступеньки крыльца и ясный приветливый взгляд чистых окон. Одним словом, конструктивизм: ничего лишнего.

Может быть, из-за этого (да и номер сыграл не последнюю роль) дом начал быстро заселяться: узкие белые листки словно ветром сдувало с оконных стекол. Все квартиры, кроме тех, что в первом этаже, были просторными и светлыми, не роскошными, но очень комфортабельными. Солнце пускает зайчики в сверкающие никелем новенькие краны ванных комнат. Окна кухни, как положено, смотрят на север, потолки уходят ввысь, а входные двери тускло отсвечивают полировкой. В парадном и на лестничных площадках пол и стены выложены керамической мозаикой.

Будь хозяин обременен годами, а стало быть, брюшком и подагрой, он покрутил бы раздумчиво ус, прежде чем покупать пятиэтажный дом без лифта. Однако домовладелец был молод, легконог и безус, по каковой причине крутить ему было нечего, а дом (хоть и без лифта) настолько пришелся

ему по сердцу, что он без долгих раздумий занял квартиру под номером три во втором этаже. В соседнюю, поменьше, въехала пожилая дама из какого-то благотворительного общества.

Оставалось найти дворника и привратника, а затем спокойно вернуться к своим делам. Господин Мартин Баумейстер был, как и его отец, текстильным коммерсантом, а в рантье превратился по чистой случайности: дом понравился.

Ян Майгарс был в том возрасте, который молодежь называет пожилым, а люди средних лет – зрелым: достиг сорока, однако выглядел солидней. Он оказался толковым, немногословным и вид имел чрезвычайно достойный. Дешевый костюм сидел на нем с элегантностью фрака. Звать его по имени – Ян – было как-то неловко, тем более что и внешне, и манерой поведения он смахивал на профессора античной философии, с которым молодой Баумейстер познакомился в Оксфорде, даже откашливался точь-в-точь как профессор. Профессора, кстати, звали Джон, и аналогия имен очень забавляла Мартина. Дворник Ян совсем не походил на деревенского мужика, хотя всю жизнь прожил в деревне и в город перебрался совсем недавно, оставив брата хозяйничать на хуторе. Жена его – доброжелательная улыбка, аккуратно собранные узлом волосы (то ли седеющие, то ли выгоревшие), фольклорное имя Лайма и грубошерстная шаль на плечах – сразу предалась хозяйственным хлопотам.

Между тем дом заселялся. На третий этаж въехал препо-

даватель гимназии с женой, двумя бледными дочками-гимназистками и крохотным, не больше детского валенка, но оглушительно громким пуделем. Этажом выше поселился молодой дантист, только что открывший свой кабинет. Он быстро взбегал на свой четвертый этаж, но в лестничном воздухе какое-то время висел тревожный, пронзительный запах, от которого сводило зубы.

Доктора известны своей коллегиальностью, и вскоре на тот же этаж въехал еще один врач – рослый молчаливый гинеколог, на вид лет тридцати, с таким же молчаливым сенбернаром. Всякий раз, когда сенбернара проводили мимо квартиры преподавателя, пудель заливался душераздирающим лаем. Сенбернар поднимал на хозяина спокойный удивленный взгляд. Тот пожимал плечами и негромко, словно пудель мог услышать, говорил одно и то же слово: «Идиот»; дальше шли в молчании.

Какое-то время пустовал самый верхний, пятый этаж, пока одну квартиру не занял рыжеватый нотариус, а другую – настройщик роялей по фамилии Бурте.

Нужно сказать, что желающих вселиться было намного больше, чем квартир, однако не все кандидаты в жильцы могли представить удовлетворительные рекомендации. Бывало и так, что рекомендации – лучше некуда, но что-то заставляло хозяина медлить с ответом… Случалось и наоборот, как, например, с тем русским эмигрантом.

Эмигрант называл себя русским князем и носил сомнительно-княжескую фамилию Гортынский. Этих двух факторов, в комплекте с интеллигентным лицом и полезной дальновидностью, хватило для бегства из Советской России сюда, в тихую приморскую республику. Жил, по его словам, частными уроками: преподавал французский и английский языки. Где жил? – На взморье, снимал две комнаты; однако рекомендаций нет и не предвидится – хозяйка умерла. Надеялся устроиться, со своим нансеновским паспортом, учителем в Русскую гимназию: она в пяти минутах ходьбы; уже подал прошение. А тут увидел, что квартиры сдаются, да и дом очень понравился. Мне и самому нравится, едва не сказал хозяин, глядя в невеселые карие глаза собеседника и отметив потертое твидовое пальто, чистый воротничок и чуть опущенные, словно ретушью тронутые, уголки рта. Затянувшуюся паузу Гортынский(князь?) понял по-своему и протянул конверт – поручительское письмо из банка.

После водворения князя Гортынского на третий этаж в квартире прямо над ним поселился старичок-антиквар, мало-помалу превративший квартиру в филиал своей лавки. Фамилия у него была такая громоздкая, что едва уместилась в списке жильцов. В последнюю свободную квартиру на пятом этаже въехал лейтенант Национальной Гвардии с женой.

Из двух квартир первого этажа одна предназначалась для дворника, а вторая, с окнами на улицу – для привратника.

Да только с самого начала как-то само собой получилось, что дворник с женой успешно справлялись и с работой сторожа, так что последнего не пришлось и нанимать. Квартира, отведенная для него, стояла пустой. Даже и не квартира это была, а так, одна квадратная комната с небольшим закутком для раковины и унитаза. Она располагалась стенка к стенке с маленькой квартирой дворника, так что вскоре сделалась чем-то вроде придатка к ней. Хозяин ничуть не удивился, памятуя, что Ян не только дворник, но и сторож, сантехник и фактически управляющий всего дома за одно только жалованье дворника… Нет, господин Мартин не выразил никакого удивления, тем более что сейчас дела требовали его присутствия в Швеции, а потом он и вовсе собирался в отпуск на Итальянскую Ривьеру. В его отсутствие домом ведал, если можно так выразиться, дворник с лицом и осанкой оксфордского профессора, и справлялся с этим не хуже, чем его британский тезка с античной философией. Господин Мартин неплохо разбирался в людях.

Каждое утро дворничиха протирает пол в вестибюле, выложенный, как и лестничные площадки, восьмиугольными каменными плитками с мозаичным рисунком из бежевого, зеленого, желтого и коричневого цветов – точь-в-точь как ее собственная шаль. На стене висит большое прямоугольное зеркало и с достоинством скучает: отражать нечего, стена напротив пуста. Скучать зеркалу пришлось недолго: как только дом заполнился, на пустующую стену водрузили боль-

шую черную доску, наподобие школьной, с указанием номеров квартир и фамилий обитателей. Появление доски внесло оживление в жизнь зеркала и самого дома: интересно было примерить жильца к его фамилии – или наоборот; а потом решить, насколько они подходят друг к другу.

Против квартиры № 2 белой масляной краской выписана фамилия: Нейде. Это – дама из благотворительного общества. Изящная фамилия… Следующая строка пустует – возможно, хозяин собирался скоро съехать или просто не хотел вносить свое имя.

Учитель из четвертой квартиры носит, помимо короткой бородки, фамилию Шихов, а в гимназии его зовут Андреем Ильичом. Пожалуй, фамилия неплохо сочетается с привычкой учителя старательно вытирать ноги у парадной двери: ших-ших, перед тем как мелькнуть перед зеркалом то ли усталым, то ли озабоченным острым профилем.

Его сосед – князь Гортынский (квартира № 5). Дом сразу привык к фамилии и принял безоговорочно: она подходит ему, как слово «князь» к фамилии (даже если он не настоящий князь).

Дантист из шестой квартиры – Ганич, доктор Ганич. Внешне ничем не примечателен, кроме густой русой шевелюры и приветливой улыбки. Когда он снимает шляпу, видно, что руки у него маленькие и изящные, почти женские. Такие руки и улыбка хорошо сочетаются с романтическим

именем Вадим и спокойной фамилией, тоже подобранной не без изящества; все вместе должно производить умиротворяющее впечатление на пациентов с флюсом.

Дом не знает, как зовут громоздкого сенбернара: доктору Бергману никогда не приходится его окликать, настолько это молчаливый пес. Не исключено, что его тоже зовут Бергман, но это уже домыслы зеркала. Ростом и крупным сложением доктор скорее напоминает каменщика или рыбака, и если ему безусловно подходит его фамилия – в этом зеркало с домом единодушны, – то представить его акушером-гинекологом трудно. Откуда дому знать, сколько нужно сил, чтобы помочь ребенку родиться?…

Произнести фамилию старого антиквара так же сложно, как разобраться в его редкостях: Стейнхернгляссер. Неизвестный каллиграф, расписывавший доску, не рассчитал усилий и спохватился только на втором «н», обнаружив стремительно приближающийся обрыв, поэтому «…гляссер» исполнил очень тесно и не совсем ровно, так что трудная фамилия сделалась похожей на поезд, потерпевший крушение на малой скорости.

Квартира № 9 обозначена фамилией Зильбер. Это нотариус, рыжеватый человек с овечьим профилем и в очках. Он ходит очень быстро, чуть наклоняясь вперед, будто навстречу сильному ветру. Для своих тридцати лет выглядит довольно молодо. Зильбер как Зильбер, решает дом.

В десятой квартире живет офицер Бруно Строд, и мож-

но только удивляться проницательности судьбы, которая так метко выдала человеку фамилию, подогнала ее к походке и определила карьеру.

Надо сказать, что на пятом этаже все отличаются короткими фамилиями: пока дойдешь, много букв растеряешь… Господин Бурте живет рядом, в квартире № 12. Он занимается настройкой роялей. С такой фамилией удобно давать объявления в газеты: «Настройка роялей. Бурте» – сразу видно, что серьезный человек; ничего лишнего. Вид у него спокойный и уверенный, и если нотариус выглядит моложе своего возраста, то господин Бурте, его ровесник, наоборот, кажется солидней – может быть, из-за короткой шеи.

Тринадцатой квартиры в доме нет – и не только из-за приятной причуды хозяина. В этом, если угодно, некоторая странность дома: здесь нет и первой квартиры! Точнее, квартира-то есть – та, в которой живут дворник с женой, только вместо цифры «1» над дверью аккуратно прибиты две металлические единицы. Отчего так получилось, никто не знает. Загляделся ли слесарь на барышню, и на какую из двух, остановившихся напротив новенького дома: ту, в бархатной шапочке на курчавых волосах, или на другую, у которой никак не раскрывался зонтик? Или он заболтался с маляром – тот как раз остановился рядом, оттирая руки скипидарной тряпкой? Могло быть и так, что слесарь просто положил молоток на ступеньки да хлебнул как следует из запотевшей холодной бутылки, а на пятом этаже, допив остатки пива, добро-

совестно прикрепил номера к девятой, десятой и – внезапно – двенадцатой – квартире, не удивившись пропаже одиннадцатой. Как бы то ни было, нумерация вышла немного сбивчивой, и дом считал себя парнем с причудами.

…К тому времени, как хозяин уехал в Швецию, весь дом напоминал рояль, настроенный умелыми руками жильца из двенадцатой квартиры (пятый этаж). Все сложности вроде засорившейся ванны, капризного замка или треснувшего стекла устранял дядюшка Ян, как стали называть дворника все, включая хозяина.

…Утром дом оживал по восходящей, снизу вверх. Дворник уже ставил в сарай лопату или метлу – по сезону, когда доктор Бергман вел на прогулку пса под истеричный лай преподавательской собачонки. Ее выносили гулять на руках в небольшой парк напротив дома, где сенбернар, похожий на теленка, обходил деревья одному ему известным маршрутом. Пуделек, раздраженно и торопливо справивший собачью нужду, рвался с поводка и хрипел, пока сенбернар, тряся сенаторскими щеками, замирал у каштана с поднятой лапой; хозяева обменивались приветливыми фразами вперебивку с зевками и почти одновременно бросали взгляд на часы: пора.

По лестнице молодцевато спускается Бруно Строд, позвякивая саблей, и на ходу снимает пушинку с рукава: пеньюары эти… Одергивает китель, кивает дворнику и легко распахивает тяжелую дверь парадного. В тот же момент наверху от-

крывается дверь, выпуская заполошный лай и двух бледных девочек-близнецов в гимназической форме и с портфелями. Слышны голоса: спускаются нотариус и князь Гортынский, у двери парадного задерживаются, идут вместе еще два квартала, затем приподнимают шляпы и расходятся в разные стороны.

Тетушка Лайма пьет свой второй кофе, когда на лестничной площадке появляется дантист и легко, по-мальчишески бежит вниз; сейчас от него пахнет только кофе – или дворничихе так кажется. Вслед за доктором Ганичем и его коллега, неторопливо натягивая перчатки, отправляется врачевать деликатные дамские недуги. Господин Бурте всегда выходит ровно без двадцати одиннадцать, с плоским чемоданчиком в руке; в чемоданчике инструменты для настройки. По воскресеньям он выбрит с необычайной тщательностью и покидает квартиру без чемоданчика; возвращается с дамой, неся в руках коробку из кондитерской. Дама чуть выше настройщика, немного сутулится; поэтому, должно быть, ее рыжеватые волосы сливаются с мехом горжетки. Дом привык к ее визитам, сутулости и горжетке почти так же, как к сенбернару, русскому князю, звяканью офицерской сабли, нервному пуделю и неизменной шали тетушки Лаймы. Дом привык слышать, как медленно открывается дверь старичка-антиквара – и еще медленней закрывается, что сопровождается щелканьем трех замков; привык к осторожным стариковским шагам с непременными паузами на каждой площадке –

во время пауз из кармана извлекается белоснежный платок, коим промокается лоб, затем старомодные седые бакенбарды, только в таком порядке, да; платок укладывается в карман, и можно двигаться дальше.

Какое благо и для кого творило общество, к которому принадлежала дама – соседка оглушительного пуделя, не известно; в то время подобных обществ было много. Госпожа Алиса Нейде была вдовой мелкого фабриканта и имела взрослого сына, проживающего за границей. Раз в две недели она устраивала у себя скромное чаепитие, и в назначенное время прохладную тишину широкой лестницы нарушали негромкие голоса благотворительных дам.

Кроме достойной вдовы, прекрасный пол был представлен женами дантиста, офицера и учителя; жена дворника в расчет не бралась.

Первой из дам просыпается Тамара Шихова, жена учителя: привычка. В юности она принадлежала к тем серьезным гимназисткам, которые старательно учат даже нелюбимые предметы. Окончив гимназию, заявила родителям, что хочет получить профессию, с каковой целью окончила курсы стенографии. Брак, а затем дети отодвинули мечты о работе в неопределенное будущее, а главной заботой оставался дом, забота о семье и о собственной внешности. Короткая шея и полное отсутствие талии – серьезные изъяны, потому и борьба с ними велась беспощадная. Жена учителя одевалась неброско, и только опытный взгляд мог оценить строгий ко-

стюм, небольшую шляпку из магазина, где продавщицы не произносят слова «шикарный», и сумку из тех, что выделываются за границей вручную и благополучно переживают все модные веяния: мода приходит и уходит, а сумка остается. Тамара выбирала вещи очень медленно и придирчиво, никогда не теряя терпения – случалось, терпение теряли приказчики, но с тоскливой безнадежностью продолжали улыбаться, пока миловидная дама с пышными русыми волосами и строгим маленьким ртом не натягивала перчатки. Бывало, что покупательница уже попрощалась и скрылась из виду, а они какое-то время еще откашливались, поправляли манжеты, в то время как продавщицы из дамских отделов запудривали нервный румянец.

Обыкновенно дамы встают поздно, и дом воспринимает это как нечто совершенно естественное, тем более что его будит не дворник и не собачий лай, а быстрые шаги вверх-вниз по другой, черной лестнице. Первым появляется молочник. Его лошадь привыкла останавливаться сама, и пока он выгружает бидоны и бутылки, она стоит, сонно помаргивая. Когда молочник идет вверх по лестнице, то слышны только его шаги с короткими остановками у дверей, когда он ставит бутылки на ступеньки. Обратный путь сопровождается позвякиванием пустых стекляшек, и к первому этажу аккомпанемент становится громче. Вскоре за молочником приходят кухарки. Они поднимаются медленно, одной рукой держась за перила, потому что в другой, как полагается, несут кор-

зинки с провизией. Правда, кухарки сами весьма корпулентные особы: дом ни разу не видел тощих кухарок… Вскоре по черной лестнице поплывут запахи кофе, гренков и поджаренного бекона, и в какой-нибудь кухне непременно сбежит молоко.

Раз в три месяца на черной лестнице появляется веселый чумазый человек – это Каспар-трубочист. Его черная одежда перепоясана широким черным ремнем, а через плечо, как солдатская скатка или как кольцо планеты Сатурн, блестит упругий трос с блестящими колючими шарами. Если ему навстречу попадаются кухарки (а это случается на удивление часто), трубочист приветливо улыбается очень белыми зубами и с шутливой угрозой протягивает к ним руки, норовя обнять. Кухарки вразнобой кричат: «Ой, Боженька!..» и жмутся к перилам, а весельчак, прыгая через ступеньку, несется со всем своим адским оснащением прямо на чердак. Именно в этот день то в одной, то в другой квартире что-то подгорает, или кухарка порежет палец, или обед не готов вовремя, что уж говорить о просыпанной муке или оброненном ноже, чтоб его черти взяли!.. Помянутый черт в это время чистит дымоходы и чернеет еще больше, если такое возможно, а перерыв делает для того только, чтобы съесть восхитительную ватрушку, запивая горячим кофе из большой фаянсовой кружки. Иногда это пирог с ревенем, а не ватрушка, или вообще мясной рулет, только что из духовки; но кофе

присутствует всегда. Да как же можно без кофе? Город не зря называют «маленьким Парижем» – он славится своими кафе и кондитерскими, большими, маленькими и совсем крохотными.

Так; но при чем здесь трубочист, допивающий свою кружку, на которой остаются черные следы? Для какой он здесь надобности, если в доме паровое отопление? Паровое-то паровое, но на каждой кухне сверкала белым кафелем плита с концентрическими чугунными кругами для кастрюль, и ни одна уважающая себя хозяйка или кухарка не могла представить что-то иное. В комнатах высились уютные кафельные печи. Если это причуда проектировщика, то он явно был очень предусмотрительным человеком. Мало ли что, в самом деле, может случиться с котлом или с трубами, не к зиме будет сказано; для такого случая и угольный погреб имеется, и сараи для дров. Люди еще спасибо скажут, хотя до сих пор никто, кроме старого антиквара, не просил дворника принести дров. Тем не менее, благодаря печке старика, дом почувствовал восхитительный запах дыма от горящих березовых поленьев, и это оказалось сродни тому наслаждению, с которым хозяин, господин Мартин, курил у себя в гостиной заморскую сигару. А значит, старания трубочиста не пропали даром, и свой кофе с ватрушкой (или с пирогом) он отрабатывал с лихвой.

Специалист по отопительной системе беспокоил черную лестницу дважды в год: осенью включал котел, а весной от-

ключал. Проверяя трубы, извлекал из них самые диковинные звуки. Ремонтник был симпатичным голубоглазым малым с густым русым ежиком волос. На сером фирменном комбинезоне блестела нарядная блямба – значок отопительной компании. Однако ему не только никто не выносил ни ватрушки, ни пирога, ни даже просто кружки с кофе, но и кухарки в такие дни очень редко встречались на лестнице. Когда все же такое происходило, ни одна не жалась к перилам, хотя он приветливо улыбался и почтительно сдергивал серый берет. Что характерно, и на кухнях в те дни царил полный порядок: ничего не падало, не разбивалось и не чадило. Загадочные существа – женщины, в особенности кухарки!..

Вот уже просыпаются дамы и готовят себя к насыщенному дню. Между госпожой Ирмой, женой офицера, и ее подругой Ларисой, женой дантиста, разница в четыре года и один этаж, поэтому первая считает себя во всех отношениях выше. Она подробно обсуждает с кухаркой обеденное меню, в то время как соседка с нижнего этажа добавляет в кофе сливок и с интересом слушает рассказ своей кухарки, как на базаре подрались две рыбные торговки. Лариса знает, что обед, как всегда, будет вкусным, знает, какое платье она наденет к приходу мужа и как он поцелует ее, а она сморщит носик от больничного запаха; за кухаркиным сюжетом она тоже следит: а, так ты у нее купила камбалу?…

В ванной обе рассматривают себя в зеркале: одна спокой-

но и удовлетворенно, другая с пытливым интересом. После ванны обе, не сговариваясь, звонят кому-то по телефону, с одинаково требовательными лицами. Ни у одной из них нет детей; значит, можно распорядиться временем по своему желанию. Да только сколько его, этого времени? Тщательно одеться, чтобы не ударить в грязь лицом друг перед другом, и при встрече спросить, помолвлен ли настройщик роялей с той рыжей, или?… Торопливо распрощаться, чтобы не опоздать: одна спешит на репетицию в театральную студию, второй предстоит сделать несколько визитов. А парикмахер, а демонстрация мод! – Едва хватит времени на чашечку кофе с пирожным в Старом Городе, как нужно спешить в теннисный клуб, где соседки опять встречаются, если расписание их тренировок совпадает, и потом вместе возвращаются домой, заканчивая – или, вернее, продолжая – утренний разговор: так они помолвлены?… Внешне дамы мало похожи друг на друга, разве что одинаковыми прическами, с набегающей на пол-лица волной волос и косым пробором, но одна блондинка, и пробор у нее справа, а вторая, у которой пробор слева, называет себя светлой шатенкой. Когда Ирма говорит, что у нее длинная талия, Лариса мысленно поправляет: не талия у тебя длинная, а зад низкий, вот что. Сложением Ирма и впрямь напоминает шахматную фигуру. У ее соседки талия и все остальное на месте, зато кисти рук явно крупноваты. Она уверяет, что это от теннисной ракетки, однако приятельница с верхнего этажа имеет другое мнение: дело

не в ракетке, а в маме с папой, но ничего, разумеется, не говорит, только удовлетворенно поправляет браслет на узком запястье. Странно, что при всем их несходстве дом частенько путает одну даму с другой.

На черной лестнице затишье никогда не продолжается долго. Приходят уборщицы и две прачки, пожилая и молодая; открываются и закрываются двери, попискивают протираемые оконные стекла, хлопают фрамуги. Единственная квартира, чей покой никто не тревожил, это квартира под номером шесть, занимаемая князем Гортынским. Антиквар (квартира номер девять) уборки у себя не допускал, а прачку встречал на пороге и принимал корзину с бельем. Старый чудак обратился как-то к дворнику, не согласится ли его жена… если не затруднит… немножко навести порядок? Его пугали шумные особы, орудовавшие у соседей. Тетушка Лайма согласилась. Ох и намучилась она, стирая пыль с картин в тусклых, с завитушками, рамах, разнокалиберных кувшинов и ваз, зеркал в круглых, овальных и квадратных рамах. Чтобы протереть корявые ветви оленьих рогов, ей пришлось залезать на складную лесенку. Целую ночь после этого тетушке грезились непривычные предметы из чужой жизни: старинные канделябры, хрупкие фарфоровые фигурки, тарелки с кружевными краями, висевшие прямо на стенах, одна над другой. Однако раз за разом привыкла и была готова к аналогичной просьбе русского. Просьбы не последо-

вало, и она, преодолев робость, сама предложила свои услуги. Князь смешался, вспыхнул лицом – и с благодарностью согласился.

Князь Гортынский занимал небольшую квартиру из трех комнат. Одна была похожа на спальню – там стояла низкая оттоманка с пледом и прямо на полу лежали стопки книг на чужом языке. Во второй комнате стояло бюро; более ничего, кроме еще двух книжных стопок. Третья вовсе пустовала, но на стене висел закутанный в простыню костюм, а на печке, на вделанном в кафель крючке, – сорочка, бывшая некогда белой, Боженька мой!.. Плита в пустой кухне была застелена старой газетой, а сверху стояла спиртовка и жестянка из чайного магазина; на этой же газете – перевернутая вымытая чашка и блюдце. В углу у плиты – смятая коробка от папирос.

В ванной, помимо скудных бритвенных аксессуаров, дворничиха нашла несколько несвежих воротничков. С края ванны свисало влажное полотенце. Если бы не последнее обстоятельство, то можно было бы предположить, что отсюда съехал нетребовательный жилец, забыв или поленившись забрать оставшийся хлам. И уж тем более никто не мог бы вообразить, что здесь обитает не коммивояжер или страховой агент, а единственный потомок князей Гортынских, и ночами к нему приходят непрошеные гости – сны из давней петербургской жизни, где он слышит гомон улиц, давно жи-

вущих под иными названиями, вдыхает сизый туман единственного в мире города, который теперь утратил свое имя, и непрошеные эти сны – самое прочное достояние его тридцатилетней жизни, не обесценившееся в многолетних скитаниях по Европе, где он последовательно потерял родителей, молодую жену и то, что его английский гувернер называл *zest for life* и что на русский можно очень условно перевести как *вкус к жизни*.

Хозяин квартиры возвращался поздно, и к этому времени все, что подлежало стирке, было выстирано, а что требовало отбеливания – отбелено и тщательно отутюжено.

Никогда прежде тетушке Лайме не приходилось задумываться о чем-то подобном, однако странная действительность, где князь живет хуже дворника, подействовала куда сильнее, чем музейные лабиринты старого антиквара. А главное – чужбина, вот и мыкается человек. И говорить по-нашему выучился, и работа есть – плату взносит аккуратно; да только все ж не дома. В этом месте мысли дворничихи принимали другое направление, а взгляд обращался к окну: не показался ли почтальон. Сын в прошлом году нанялся на шведский корабль, и мать с отцом нетерпеливо ждали писем. Слава Богу, что их мальчику не придется долго скитаться по чужим странам; заработает деньжонок, вернется, а там, глядишь, и женится.

Вот и почтальон! Он звонит с парадного входа. Если окно

раскрыто, то вначале слышалось легкое треньканье велосипедного звонка, после чего на крыльце возникала массивная квадратная фигура, и дворничиха спешила навстречу. Он здоровался, вручал почту и шел назад к велосипеду. Потом Ян или жена разносили письма и газеты, а дом прислушивался к привычным уютным звукам – по нисходящей, сверху вниз – как в щели почтовых ящиков с глухим стуком падают конверты, просовываются газеты и с легким шелестом оседают рекламные листки. Оба врача выписывали толстые скучные докторские журналы. Для жены дантиста приходил толстый, но вовсе не скучный модный журнал – точь-в-точь такой, как выписывала жена офицера, для которой присылали еще и каталоги модных товаров. Нотариус ежедневно получал газету, где на полях синим карандашом было надписано: «кв. № 9», а больше из газеты ничего не понять, еврейская газета. Господину Стейнх… – одним словом, антиквару – и даме-благотворительнице приходили письма с заграничными марками. Хозяин получал газеты и биржевой бюллетень, и только ящик господина Гортынского оставался пустым – русскую газету «Сегодня» он покупал сам и нес сложенную под мышкой.

Ян и Лайма раскладывали почту в привратницкой, и если глаз обжигало письмо от сына, бережно откладывали конверт в сторону. Дальнейший ритуал был неизменным: дворник торопился к почтовым ящикам, а тетушка ставила на плиту кофейник, с нетерпением поглядывая на дверь. Потом

они читали письмо и пили кофе, и в эти минуты дом всей душой (если у дома есть душа) желал, чтобы этим двоим никто не мешал.

Действительно, а есть ли душа у дома? И если есть, то у всякого ли дома? Стоит взглянуть на соседа справа: какая может быть душа у пятиэтажного доходного дома, выкрашенного в такой безнадежный желтый цвет, что сама его доходность сомнительна? В самом деле, окон с занавесками намного меньше, чем пустых и голых, украшенных лепестками белых билетиков: «сдается в наем». Дом слева, высокий и некогда кремовый, давным-давно начали ремонтировать, и он до сих пор не подает признаков жизни, как больной под наркозом, душа которого в смятении смотрит на тело, куда ей предстоит вернуться, если больной очнется. Совсем иначе выглядит здание в глубине небольшого парка напротив. Его белый трехэтажный корпус настолько загорожен деревьями, что кажется намного меньше, хотя там живут двести человек – те, кому больше жить негде. Это дом призрения, или, как называют другие, приют, основанный некогда богатым купцом. Несмотря на огромное число обитателей, почтальон там долго не задерживается, да и кто станет писать вдовам и сиротам? Душа приюта полна скорби.

…Опять звонок в парадную дверь. Нет, не гости; коммивояжер? – На этот раз страховой агент. Что-то он сюда зачастил; должно быть, в девятую, к старому антиквару. На лест-

нице посторонился и приподнял шляпу: навстречу спускалась госпожа Ирма.

Дом плохо представлял себе, для чего в мире существуют страховые агенты или коммивояжеры, и ничего не знал про мировой экономический кризис, но невольно сочувствовал одиноким мужским фигурам с портфелями или небольшими чемоданчиками. Все они поправляли шляпу и кашне, все непременно откашливались, прежде чем позвонить. Палисадная улица не длинная и чуть изогнутая, домов на ней не много, но эти люди начинали именно отсюда, привлеченные счастливым номером дома. Да он и сам считал себя счастливчиком. Во-первых, номер: тут и объяснять нечего. Во-вторых, дела у господина Баумейстера идут хорошо, чего не скажешь о других домовладельцах. Вот ведь прямо здесь, на Палисадной, в номере восьмом повесили объявление: «ПРОДАЕТСЯ»; это для дома, как белый флаг. Приезжали, смотрели – ан вот уже № 8 в чужих руках, и как знать, что это за руки, и каково дому в них будет?… А пока что хозяева, превратившиеся в «бывших хозяев», съезжают, и поэтому вся их мебель, цветы в глиняных горшках, разлученные с подоконниками, картины, на глазах выпадающие из рам – словом, весь многолетний уют здесь, у обочины, превращается в *скарб*.

Это неразрешимая загадка.

Выбросил белый флаг и недавно отстроенный двухэтажный дом (даже номер не запомнился). Владелец въехал пол-

года назад и собственноручно посадил у ворот березу, а теперь объявил банкротство, и всё, кроме березы, описано.

Как не хочется, однако, думать о печальном! Особенно теперь, в преддверии Рождества. Ожиданием праздника веет от каждого хвойного венка, которые вешают на двери. У кого-то венок совсем скромный, с четырьмя алыми ленточками, у других – пышный, богатый, перевитый гирляндами лент с бантами и ветками блестящей брусники. Венки водружаются за четыре недели до Рождества – по количеству свечей на каждом из них, – ив конце каждой недели одну свечу зажигают. Дворничиха поступает так же, как остальные горожане: свечу зажигают дома в воскресенье, на столе или подоконнике; а чтобы не нарушать традицию, многие вместо свечей прикрепляют на венок… яблоки. Издали не отличить: яблоко такого же цвета, что и свеча, а черенок похож на фитиль как две капли воды. Зато пожар не страшен.

Рождество – это мерцание свечей в окнах, заснеженные улицы и крыши, белые шапочки на бидонах молочника, словно взбунтовавшаяся сметана. Рождество – это когда деревья выглядят, как на праздничных открытках, а от открыток веет холодом – так хороши на них деревья и дома в снегу. Это дамские ботиночки, оставляющие снежные следы на ступеньках, и утреннее шарканье лопаты дядюшки Яна. Рождество – это запахи. Уютный запах тепла от горячих батарей и несравненно более богатый и уютный – от холодных

звонких поленьев, пылающих в печках с треском и искрами наподобие настоящего фейерверка. И, наконец, торжествующий аромат, заполняющий весь дом – ему мало черной лестницы: в каждой квартире пекут *пфефферкухен* – аппетитные коричневые медовые пряники с перцем, имбирем и бог знает с чем еще, тем более что у каждой кухарки свой, проверенный и неповторимый, рецепт – ни много ни мало от собственной бабушки! Почти в каждой квартире, на всех пяти этажах, сильные руки, не жалея сил, мнут тугое тяжелое маслянистое тесто, а потом, в соответствии с бабушкиным рецептом и собственной фантазией, лепят – или вырезают особыми формочками – звездочки, кружочки, даже смешных человечков, без шеи и с ногами врастопырку, и наконец выкладывают на противни.

Плита у тетушки Лаймы давно нагрелась, а сама она все еще старательно раскатывает изнывающее коричневое тесто. Потом складывает готовые пряники на большое блюдо, а Часть – на отдельную тарелку, и вот уже поднимается по лестнице с этой тарелкой, накрытой льняной салфеткой, однако даже самый плотный лен не утаит аромата *пфефферкухен.* В шестой квартире никого нет, и дворничиха оставляет пряники на кухне.

Господин Гортынский зашел поблагодарить. Тетушка Лайма замечает вдруг у него седину на висках, а ведь молодой совсем!.. Ничего не изменилось, разве что на конце фамилии князя прибавилась буква «с» – он получил граждан-

ство; из-за добавленной буквы кажется, что фамилия завивается, словно дамский локон, выбившийся из-под шляпки. Незаметно переменились прически: дамы теперь делают перманент, от этого шляпки потеснились к макушке – и вбок. Одеваются тоже иначе. Юбки стали длиннее, зато в моду вошли короткие пелерины. Мужские шляпы… Да только ли мода поменялась, и стоит ли она серьезного обсуждения?

Промелькнуло очередное Рождество. За февральскими вьюгами нет-нет, да и весеннее солнышко о себе заявит, а это значит: капель, лед по утрам у самого крыльца. Просто посыпать песком – нет, это не дело, здесь работа для лома и лопаты, а потом уже песок.

Лето приносит свои праздники: например, 24 июня – Янов День. С утра дворник получает «именинный» конверт от господина Мартина, а после обеда наденет венок из дубовых листьев: такова уж традиция. Приедет с хутора брат Густав, привезет домашнего пива – это тоже традиция. Молодежь устремляется на взморье. Самая короткая ночь в году бесконечна, как молодость. Вдоль всего берега ярко горят бочки со смолой, и трудно поверить, что это ночь. Море темное и блестящее, как плащ под дождем. Многие приходят в национальных костюмах и все без исключения – в венках. Яны – именинники, и сегодня многие хотят называться этим именем…

Если уж говорить об именинах, то господин Мартин сделал себе отменный подарок. 11 октября к дому подкатил си-

яющий автомобиль, из которого выпрыгнул не менее сияющий именинник, и дворник поспешил к воротам. Машина звалась красиво, как женщина: «Олимпия». Во дворе был гараж, о наличии которого никто не задумывался, поскольку в нем не было до сегодняшнего дня ни малейшей надобности. Гараж занимал глубокую нишу прямо в каменной стене; счастливый именинник вкатил машину внутрь ловко, как шар в лузу.

Тетушка Лайма в этот день всегда покупала и ставила в привратницкой букет некрупных хризантем, они так и называются: «Мартиновы розы». А сегодня двери открывались и закрывались чаще, чем обычно, и представители мужской половины жильцов обменивались оживленными репликами. Совсем как год назад, когда они лихорадочно шуршали газетными страницами, часто произнося слова «сейм» и «президент»; сегодня слышались только «опель» и «Олимпия».

Как, уже 36-й год? Неужели так быстро пролетели годы? И если так, то как можно было этого не заметить? Нуда: прически… Да не только же прически – многое меняется! Чья это нянька тащит детскую коляску – из дантистовой квартиры или с верхнего этажа, где живут офицер с женой? Время не ждет: судя по форме, его повысили в звании, чего нельзя сказать о дантисте. В остальном же судьба к этим двоим одинаково благосклонна, ибо каждый стал отцом горластого мальчугана. Что характерно, младенцы заявляли о себе в разное время дня, но так настойчиво, что никто уже не заме-

чал лая пуделя. Да и самого пуделя тоже, что не удивительно. Не выдержав вокальной конкуренции (или по какой-то другой причине), пудель однажды захлебнулся лаем, потом заполз глубоко под хозяйскую кровать – и больше не выполз. Сенбернар жив и в полном здравии, но отчего-то оба они – и хозяин, и пес – чувствуют себя несколько виновато, когда идут мимо квартиры, где так громко жил пудель.

Обе молодые мамаши, Ирма и Лариса, теперь заняты еще больше и подолгу жалуются друг другу на нянек. Младенцы делают все, что полагается делать по их возрастному статусу: азартно прыгают на руках у нянек, грызут яркие игрушки и неуклюже встают на непривычные ножки. Няньки часто меняются; в то же время, если поменять местами детишек, вряд ли кто-нибудь это заметил бы. Они в одинаковых чепчиках и таких же платьицах, и то и другое нежно-голубого цвета; даже погремушки очень похожи. Один младенец, впрочем, долго кряхтит, прежде чем заплакать, а другой заливается криком без предупреждения, вот и вся разница. Одним словом, самые обыкновенные младенцы, каких в городе без числа. В последнее время все больше рождаются мальчики. Старые люди качают головами: к войне. Это звучит нелепо: с кем воевать-то? Тем более что три года назад с большевиками был заключен договор о ненападении, а больше и опасаться-то некого. Да стоит ли бояться большевиков, разве у Советской России других дел нет, как нападать на

маленькую мирную республику? А что мальчики рождаются, так это правильно: больше женихов будет.

Дочки преподавателя, Аня и Ася, всегда приветливо улыбаются пухлым малышам: «О-о-о, какой сладкий!..» Из бледных подростков они превратились в очаровательных барышень; когда, скажите на милость?! Обе стройные и грациозные, а гимназический портфель носить больше не надо, потому что это с радостью делают те, кто их провожает домой. Кавалеры, подумать только! А ведь, кажется, еще на прошлой неделе сестры во дворе играли в серсо!

У кого большие дети, у кого маленькие. Только свое дитя – всегда младенец, думает тетушка Лайма. Сын вернулся после долгого отсутствия – и записался на службу в Защитный батальон. Рота, в которую он попал на ученья, стояла далеко, и в город он приезжал нечасто. Встречая в коридоре офицера, Валтер ловко щелкал каблуками, и мать любовалась: красавец. Он пошел в отца: такой же высокий, с темно-серыми глазами и густой шевелюрой, только в плечах шире. В те редкие дни, когда сын оставался в городе, он ночевал прямо здесь, в привратницкой. Скорей бы служба кончилась, мечтала тетушка Лайма, а дальше мысли вливались в привычную колею: найдет работу, женится и заживет своим домом; а не захочет в городе – уедет на хутор.

Вот женился и настройщик роялей. Да-да, на той рыженькой; дамы устали уже гадать и волноваться и едва не утрати-

ли интереса к животрепещущей теме. Чудо как хороша была молодая, с очаровательной улыбкой, в изящном веночке из белых цветов, которые удерживали легкую, как стрекозиное крылышко, фату! Господин Бурте казался помолодевшим лет на десять. Позвольте, да он не стар вовсе: сколько ему, тридцать с чем-то?… Обвенчались – ив тот же день съехали. Оказывается, купили небольшой домик – за мостом, на левом берегу, – ведь настройщика, как и волка, ноги кормят: домой работу не возьмешь. Однако свой уголок всегда теплее. Что ж, дай им Бог сЧастья и благополучия, а все-таки жаль: дом так свыкся с его походкой и чемоданчиком, с ее горжеткой… Непривычно было и то, что до сих пор люди сюда только вселялись, и никто еще не съезжал.

Теперь квартира на пятом этаже освободилась, и в пустых гулких комнатах целую неделю хозяйничали маляры. После ремонта хозяин с дядюшкой Яном медленно обошли комнаты, осмотрели просторную прихожую; заглянули в девичью и на кухню. А еще через некоторое время в газете появилось объявление, и дворник приготовился к частым звонкам у парадного.

Скоро последовали звонки. Поскольку сдаваемая квартира была небольшой, то интересовались ею те, для кого она была предназначена, а именно «одинокие особы», как деликатно было сформулировано в газете: железнодорожный инспектор, стенографистка, председатель Общества трезвости… Квартира всем нравилась, но пожилых смущал высо-

кий этаж, а тех, кто помоложе, – высокая плата. Другие кандидаты – в частности, любители кошек – выслушивали извинения и разочарованно уходили. Нет, никакого личного предубеждения к древним уважаемым животным у господина Мартина не было – он просто избегал любой формы антагонизма в доме.

…Из подъехавшего таксомотора вышла пара. Дама окинула гранитную облицовку снизу вверх и сверху вниз, словно намеревалась купить весь дом; спутник терпеливо ждал. Как только дворник отпер квартиру, дама обошла ее дважды. Во время второго тура она уверенно называла комнаты: «Тут будет салон… спальня, м-м-м… кабинет», а последним словом было: «Очаровательно!» Контракт подписали без колебаний, и вскоре в доме не осталось никого, кроме младенцев и сенбернара, кто не знал бы, что в бывшей квартире настройщика поселилась Прекрасная Леонелла, или, как еще называли ее в прессе, «Фея Леонелла». Нежное, как плеск волны, имя было известно всем и каждому: два года назад она заняла первое место на конкурсе «Фея красоты». Почему-то из всего множества молодых участниц (до двадцати пяти лет) жюри единодушно выбрало именно ее. Правда, внешность Леонеллы как нельзя лучше соответствовала общепринятым канонам красоты: белокурые волосы, голубые глаза с темными, почти черными, ресницами, нежная линия губ – то ли фиалка, то ли бабочка – и безукоризненные про-

порции фигуры. Это при том, что в конкурсе участвовали почти поголовно блондинки – и только одна редкого мужества голубоглазая брюнетка, – и все соискательницы были прекрасно сложены, и у всех нежнейшие линии губ… Однако побеждает только та красота, которая отмечена чем-то еще, неуловимым и не поддающимся определению: то ли это было легкое движение губ, которым Леонелла сдувает непослушную прядку со лба, то ли крохотная ямочка на подбородке или локон, в точности повторяющий линию щеки. Что-то одно – или все в сумме – перевесило, и знаменитый портрет «Феи Леонеллы», на котором президент республики надевает ей на шею красно-бело-красную ленту, обошел все газеты, журналы и попал на страницы заграничной прессы.

«Ты хочешь сказать, что ей двадцать пять?» – Ирма была неприятно задета. Кроме нее и Ларисы, в парке никого не было. Несмотря на пролетевшее так быстро время, Лариса по-прежнему была младше подруги, поэтому ответила дипломатично и снисходительно: «Она выглядит, как дама старше своих лет, которая выглядит моложе». Ирма озадаченно замерла, расшифровывая дипломатическую формулу. По логике Ларисы выходило, что лучший способ подняться на чердак – это спуститься в подвал. «Это как если бы тебе было сорок, но тебе давали бы не больше двадцати пяти», – терпеливо объяснила Лариса. Ирма с облегчением засмеялась.

Следует отдать должное Фее Леонелле: она не собиралась покидать свой двадцатипятилетний возраст, а как давно не собиралась – это ее тайна за семью печатями. Она открыла для себя несколько бесхитростных способов, позволяющих отодвинуть, насколько возможно, цифру двадцать шесть: продолжительный сон, минимальная косметика и простая, без всяких излишеств, еда. Сюда же входил отказ от алкоголя с целью сохранить печень. Где конкретно этот орган находится и зачем он нужен вообще, фея не имела представления, но знала, что именно печень распоряжается цветом лица. Бело-розовая кожа Леонеллы была прекрасной рекламой косметических кремов, поэтому агенты всех фирм присылали ей на дом флаконы и баночки, не зная, что все это она щедро раздаривает; сама же ничем, кроме детского крема, не пользуется.

Публика пребывала в уверенности, что Прекрасная Леонелла ведет жизнь ночной бабочки: снимки красавицы с бокалом шампанского украшали обложки журналов, и только фотографы знали, что бокал останется нетронутым, а снимки сделаны в студии, и не ночью, а белым днем, что публике знать было ни к чему. Сложнее было на приемах, однако Леонелла, зная, что смотрят не на шампанское, а на нее, усвоила привычку непринужденно позировать, обаятельно улыбаться и подносить бокал к губам; в этот момент она была чертовски хороша! Равно как и в другие моменты, отчего у многих возникал вопрос, не собирается ли Фея стать актри-

сой? И Национальный, и Русский театр почли бы за честь… Именно так обстояло дело: ее начали азартно приглашать.

Леонелла не торопилась. Еще до конкурса, который принес ей громкую славу, понервничав в очередях к фотографам и присмотревшись, как ведется отбор кандидаток, будущая Фея поняла простую и беспощадную истину: красота – капитал, но этот капитал должен быть застрахован обручальным кольцом. Ибо до тех пор, пока к тебе обращаются «барышня», это сопровождается оценивающими взглядами, намеками той или иной прозрачности и откровенными предложениями распорядиться твоим капиталом без процентов. Вокруг нее клубились толпы поклонников. Прекрасная и, как все были уверены, двадцатипятилетняя Фея принимала букеты, благодарила изящным книксеном, а дома пристально рассматривала и сортировала визитные карточки. Конкурсному жюри было куда легче – они смотрели только на внешность; Фее приходилось из вороха маленьких картонок извлекать свое будущее. В результате образовалась скромная группка «финалистов», из которой к алтарю вырвался некий господин Роберт Эгле: в настоящий момент он как раз вешает в простенок между окнами портрет жены.

Многие недоумевали, обсуждая ее выбор. Как, ведь Леонеллу окружали не просто богатые, но очень богатые люди, среди них титулованные особы, – и перечислялись имена. Публика терялась в догадках. В самом деле: господин Эгле известен только тем, что входит в комиссию по экспор-

ту сельскохозяйственных продуктов, женат впервые, а больше, пожалуй, ничем; что она в нем нашла?… Фея застенчиво улыбалась и льнула к сильному плечу мужа. Подготовка к конкурсу приучила ее к чтению газет, а читающий газеты не может не знать, что страна держится на сельском хозяйстве. Конечно, приятно было бы называться баронессой, но покажите барона, который не был бы помешан на своей родословной? Титул только помеха: стоит кому-то обронить слово «мезальянс», и расторопный газетный проныра докопается, не дай бог, до никому не нужной правды о том, чего не знал сельскохозяйственный Роберт, но узнает вся страна: что Прекрасная Фея – нагульная дочь пришлой батрачки и до пятнадцати лет не только столичного города не видела, но и собственных башмаков; увольте. Возможно, поэтому Леонелла не захотела квартиру в престижном районе Кайзервальда или в Петербургском предместье, где селятся все знаменитости, а въехала сюда, на границу центра и Московского форштадта, в дом, ничем не замечательный, кроме своего номера. Муж, как и дом, почитал себя счастливчиком, но стеснялся своей обыкновенности, неровных зубов и ранних залысин на висках, а также скучной для Феи специальности экономиста. Пара жила скромно, зато счет в банке неуклонно рос.

Дом такими вещами не интересовался, а привык видеть господина Роберта, который по утрам закрывал дверь очень тихо, дожидаясь поцелуйного звука замка, и даже по лест-

нице ступал осторожно, чтобы не разбудить Фею. По черной лестнице каждый день так же тихо поднималась кухарка, она же горничная за небольшую доплату – милая деревенская девушка с фигурой в форме виолончели и смешным диалектом, – так говорят на востоке, вблизи от России.

О знаменитостях можно рассказывать много, уж больно хочется рассмотреть их как можно более пристально. Однако рано или поздно интерес притупляется, вытесняемый внешними событиями. Например, весь дом – да что дом: весь Город, все газеты, до самой мелкой – громко заговорили о Лиге Наций. Что – Лига Наций? Почему вдруг – Лига Наций? Ведь республика вошла в состав этой самой лиги давным-давно и, стало быть, давно признана такими зубрами, как Англия, например, или Швейцария. Что-то происходит, только не с Лигой Наций, а с самими нациями, и Лига кого-то должна защитить… Или уже защитила?

Да, о нациях говорится теперь чаще всего. Нотариус обсуждает с доктором Бергманом статью «Эйнштейн против ассимиляции». Шурша газетными листами, находит цитату и читает вполголоса: «Пусть послужит примером и предостережением судьба германских евреев, – закончил Эйнштейн». Оба молчат. «Как, собственно, это понимать?» – озадаченно спрашивает нотариус, но сосед пожимает плечами: «Я не Эйнштейн»; в голосе раздражение и растерянность. Он медленно поднимается к себе. Сенбернар распластывается на

ковре, а хозяин просматривает газеты – обычно они неделями лежат неразрезанные. В Германии евреи объявлены вне закона. Идет на кухню, где у плиты лежит стопка нечитанных газет, разворачивает: «…к вышеперечисленным признакам расовой чистоты…», «…неполноценные расы, в первую очередь евреи и цыгане…», «измерение черепа», «арийский тип». Отбрасывает в сторону, садится в кресло и закуривает. Пес поднимает свое тяжелое тело, подходит неслышно и ложится у ног. Измерение черепа… Сегодня женщина родила мальчишку, по всем этим гнусным понятиям, «нордического типа», чего никак (он усмехнулся) нельзя сказать о матери. В приемной томился отец – высокий сероглазый блондин. Что за ересь, что с людьми происходит?… Оба вздыхают, хозяин и собака.

Однако проходит некоторое время, и доктор перестает вздыхать: некогда. Среди других нет-нет да и вспыхнет разговор о евреях в Германии, но быстро угасает, ибо никто не знает толком, что там происходит. И что значит: «вне закона», не все ведь евреи, правда? Должно быть, какие-то государственные преступники, не иначе. И вообще известно: где евреи, там вечно канитель какая-то, возьмите туже Россию. Тему долго не муссируют, потому что есть темы более интересные. Согласитесь, приятнее говорить о телятах у нас, чем о евреях в Германии.

Господин Мартин между тем побывал в Берлине по своим текстильным делам и вернулся с неспокойной душой: им-

порт в Германию явно сокращается. Известно, что рынок – верный симптом, только болезнь не всегда известна. Отец, чутко следивший за биржей, неодобрительно качал головой, хотя явного повода для тревоги не было: в Польше и Чехословакии, например, дела обстоят прекрасно.

…Один сезон сменял другой, да так быстро, что никто не замечал ровного течения времени – признак безоблачной жизни. Счастье бездумно расточает отпущенное ему время, и оно течет, как пляжный песок между пальцами. Кончается очередное лето, и 1 сентября 1939 года школьники занимают свои места за партами, а немецкие войска занимают Польшу; но ни те ни другие не знают еще, что началась Вторая мировая война.

Спустя два дня Германии объявляют войну не только Англия и Франция, но и Австралия с Новой Зеландией. Дантист узнаёт об этом по пути на работу. В памяти послушно оживает оранжевая Австралия на гимназической карте, веселые кенгуру, тоже оранжевые, и мелкие быстрые туземцы, встречающие бумерангами танки со свастикой. «Странная война, – бормочет дантист и лезет в карман за мелочью в обмен на газету, – как ветрянка».

Оказалось – чума.

Часть 2

Странная война, соглашаются все; странный год.

Грянул следующий – не странный уже, а – страшный; особенно лето.

Было отчего – немецкие танки в Париже.

Люди не отходят от радиоприемников, их глаза застывают неподвижно, чтобы не упустить ни слова из взволнованных разноязычных голосов.

«В Париже?… – врывается живой голос, не из приемника, а из дверного проема. – Не в Париже, а здесь! На вокзале! И не немецкие – русские танки!..»

В те дни, когда негодовал и скорбел Париж – и с ним весь мир, во многих домах Города распахивались двери, люди вскакивали и, прежде чем метнуться… куда? – к вокзалу, конечно! – оборачивались на радиоприемник, который ни словом о русских танках в этом городе не обмолвился, а в это время веселый июньский сквозняк радостно подхватывал занавески на окнах, словно лез под юбки…

Не надо винить радиоприемник в небрежности: наверное, он все скажет, как только оправится от слова «Париж», а сейчас приходится верить невероятному: танки, зеленые танки с красными звездами на башнях въезжают на Гоголев скую улицу. Еще немного – и из верхних окон дома№ 21 станет видна вся колонна, люди, застывшие на тротуарах, и бегущие

рядом с танками азартно кричащие мальчишки.

В толпе никого из жильцов дома не было; в этот понедельник все были заняты другими делами.

А именно:

Господин Мартин с любопытством смотрел в окно поезда, который подвозил его к небольшому швейцарскому городку.

Госпожа Ирма примеряла перед зеркалом новую летнюю шляпку.

Ее муж был срочно вызван в Главный штаб Национальной Гвардии.

Старый антиквар рассматривал в лупу коллекцию нэцке, приобретенную подозрительно дешево.

Господин Зильбер, вместе с обоими помощниками, ползал по полу нотариальной конторы, собирая осколки разбитого булыжником стекла.

Дантист пил кофе и ел булочку с маком в ожидании очередного пациента.

Дама-благотворительница имела чрезвычайно приятную беседу с начальницей детского приюта.

Жена дантиста, напротив, беседу имела пренеприятную с немецкой гувернанткой, заявившей о своей репатриации в Германию, и не когда-нибудь, а в следующий вторник.

Доктор Бергман угрюмо готовился к беседе с мужем пациентки, беременной вовсе не двойней, а саркомой матки.

Преподаватель гимназии сидел в кресле у парикмахера,

время от времени встречаясь в зеркале взглядом с напряженным лицом усталого преподавателя гимназии.

Его жена в это время стояла в примерочной магазина дамского белья, где при ней безотлучно находилась пожилая продавщица, а вторая, молоденькая, убежала плакать в туалет. Надо отдать должное Тамаре: требовательная к себе, она была требовательна и к другим, а уж магазинных приказчиков считала лично ответственными за моду…

Обе дочери, Аня и Ася, гостили (по официальной версии) у подруги на Театральной улице, о чем подруга была предупреждена, поскольку сама – по официальной версии – была в гостях у них.

Князь Гортынский, свободный, благодаря каникулам, от уроков, читал новый роман своего соотечественника В. Сирина, недавно изданный в Париже.

Прекрасная Леонелла находилась в студии, где два фотографа снимали ее для рекламы новой пудры «Бархат».

Ее супруг подсчитывал экономические показатели по поголовью телят для правительственной комиссии.

Дворник спиливал у каштана во дворе сломанную ветку.

Тетушка Лайма, набрав в рот воды, спрыскивала пересохшее белье перед глажкой.

Многие услышали грохот, когда танки повернули на тихую Палисадную улицу, но именно Лайма увидела их первой. От испуга и неожиданности она проглотила воду, ко-

торую набрала в рот, а потом перекрестилась, как и многие женщины, особенно немолодые.

Героем дня как был, так и остался радиоприемник. Газеты не выдержали конкуренции: поместили несколько растерянных заметок, похожих друг на друга, как носки в прачечной, – и все. Поэтому приемник не выключали – ждали; все должно было как-то объясниться. И – словно свежий ветер дунул: речь президента! Сейчас будет говорить президент! В приемниках что-то потрескивает тревожно и многообещающе, как елочный бенгальский огонь, который вот-вот вспыхнет и озарит все вокруг ярким и ясным светом.

Президент никогда не был многословен – тем больше любили его выступления, как любили и его самого, солидного, основательного и спокойного. И внешне такой же: ежик волос над полнокровным лицом, корпулентная фигура и тяжелая крестьянская поступь. Все помнят, как решительно, хоть и с добродушной улыбкой, он отвел крупной своей рукой направленный на него фотоаппарат: «Я не артистка». Президент был прост и устойчив, как… как дом, и относился к своей стране, как хозяин относится к дому, выстроенному собственными – вот этими, крепкими и умелыми – руками: радея о благополучии жильцов, разогнал все политические партии, точно мусор вымел… Одним словом, президент был по-отечески строг, но справедлив. Более всего любил слово «демократия», а в речь вставлял простые афоризмы, заставлявшие граждан задуматься, например: «Что есть – то

есть, чего нету – того нету». Одно дело, когда такое изречет кухарка или родственник, и совсем другое, если эти слова принадлежат президенту маленькой, но державы; они обретают некий глубинный смысл. Многие стали охотно повторять: «Что есть – то есть, чего нету – того нету», и каждый был уверен, что разгадал тайную мудрость.

Чтобы не мешал уличный шум, закрыли окна: «…ждане и гражданки! В нашу страну вступают советские войска… с ведома и согласия правительства…». Сделали громче, чтобы ни слова не пропустить. «Я вас призываю: докажите мыслями и поведением силу народной души… к вступающим воинским частям… с дружбой…»

В городе чужие танки: что есть, то есть. К танкам – «с дружбой»? – Чего нету, того нету.

Однако танки танками, но они украшены цветами. Значит, кто-то радостно встречал их, приветствовал; не из России же они эти цветы везли!

«Мое сердце с вами!» – Голос президента был проникновенным как никогда.

Произносились умиротворяющие речи. Слышались возгласы: «Да здравствует президент!» и «Долой президента!», как во всякой демократической республике. В воздухе настойчиво бурлили и носились слова о смене правительства, о больших переменах, о новых законах… Война? Революция?… Нет; выстрелов не было слышно, как не было видно крови: президент оставался президентом, и республика

оставалась республикой.

И танки оставались танками.

Умные граждане и гражданки не выказывали беспокойства. Во-первых, потому, что не беспокоился президент. Во-вторых, не следует забывать про договор о ненападении, а что танки, так ведь дружественные, не немецкие; не то что в Париже.

Глобально ничего не меняется.

Семья офицера едет на дачу.

На окраинах города проходят демонстрации рабочих.

В лавку антиквара наведываются двое русских военных. Один серьезно интересуется бронзовой Дианой, другому нравится текинский ковер; обещают зайти как-нибудь в другой раз. Оба такие любезные…

Президент оглашает состав нового правительства республики, и новое правительство сразу приступает к работе.

В конторе нотариуса появляется пишущая машинка с русским шрифтом.

Самая читаемая газета помещает на первой странице репортаж «Демонстрация дружбы с Советским Союзом».

Дворник отправляет жену в деревню: пора проведать брата.

Объявлена амнистия всем политическим заключенным.

Даме из благотворительного общества удалось организовать ткацкий кружок для приютских девушек.

Во всех газетах публикуется постановление о сдаче оружия. Отказ грозит очень весомым штрафом и тюремным заключением на год.

Из телеграммы посла Великобритании просачивается фраза: «Братание между населением и советскими войсками достигло значительных размеров».

Офицер срочно отозван со взморья в связи с тем, что Национальная Гвардия распущена; за несдачу оружия расстрел.

Традиционный национальный праздник песни проходит с большим подъемом.

Господин Роберт временно оказывается не у дел. Его очаровательную супругу постоянно приглашают на собрания деятелей культуры, и он теперь ужинает в одиночестве.

Республиканские красно-бело-красные флаги висят в непривычном соседстве со сплошь красными советскими.

Дантист смазывает отцовский парабеллум, заворачивает его в мягкое полотенце и выходит из квартиры – для того только, чтобы спуститься в подвал и закопать пистолет в куче угля. Он отродясь не держал в руках никакого оружия серьезнее зубного бора, но с этим парабеллумом отец прошел Германскую войну– Великую войну…

Июль в этом году очень жаркий.

Рано утром появляется сын дворника, одетый в парусиновые брюки и летнюю рубашку вместо, упаси бог, формы Защитного батальона. С отцом говорит недолго – спешит.

С необыкновенным успехом и такой же скоростью прохо-

дят выборы в Сейм; новый Сейм немедленно провозглашает в стране советскую власть.

Госпожа Шихова обгорела на солнце, и дочери по очереди делают ей компрессы из свежих огурцов.

Сейм единодушно голосует за присоединение республики к великому, как выразился президент, восточному соседу – Советскому Союзу. Многотысячные демонстрации приветствуют это решение.

Доктор Бергман крутит пуговицу радиоприемника, но в ответ слышится «Интернационал»; президент не выступает. Что естественно, ибо он едет в какой-то российский город не только не по своей воле, но и в принудительном сопровождении вооруженных красноармейцев.

Об этом мало кто знает. Люди больше озабочены и новым своим статусом «советских граждан», и стремительно пустеющими прилавками.

Июльское солнце палит беспощадно, поэтому ранним утром дворник поливает бугрящийся булыжник мостовой – меньше пыли осядет на окнах. Дядюшка Ян недавно встал, а в парадную дверь уже звонят. В такое время могли тревожить только женского доктора. Или… Валтер? Нет, сын зашел бы с черного хода.

Увидев красноармейскую форму, Ян перевел дух. Четверо солдатиков, молоденькие и во всем новом, но лица жесткие. У офицеров грудь гимнастерок перечеркнута ремнями, на рукавах нашивки; фуражки с красными звездами. Поза-

ди, сцепив за спиной руки, стоит худощавый мужчина в летнем чесучовом костюме. Один из офицеров потребовал список жильцов; худой перевел. «Я понимаю русский язык», – прервал Ян, после чего вежливо показал на большую черную доску, висевшую на стене. Второй офицер извлек из планшета блокнот и начал быстро писать, задавая однообразные вопросы «кто такой» и «чем занимается». Первый поинтересовался, кому принадлежит дом, и огорчился, что господина Баумейстера увидеть нельзя. «Где же он?» – спросил мягко, на что дворник ответил:

– Могу не знать.

Странная формулировка насторожила офицера, но переводчик снисходительно объяснил:

– Старик говорит: «не могу знать». Не в курсе дела. Дядюшка Ян так досадовал на себя, что проговорился на неродном языке, что на «старика» внимания не обратил. Сам того не желая, он сказал чистую правду. Иногда господин Мартин уезжал очень спешно, и только по долгому отсутствию они с Лаймой догадывались, что хозяина нет в городе. Бывало и так, что он готовился к поездке заранее – вот как в тот раз с Ривьерой. Дворник – не секретарь, он не обязан знать хозяйский график… Не обязан, но *мог* знать. Мог и не знать – вот как сейчас.

Квартиру хозяина заставили отпереть. Обошли, распахивая все двери, даже кладовку; тот, что с планшетом, вышел на балкон. Дядюшка Ян старался не выказывать растерянно-

сти и надеялся, что больше ни о чем не спросят.

– А это что за дверь во дворе? – прозвучал вопрос, и сапоги застучали вниз по лестнице.

Когда дворник отпер гараж, красавица «Олимпия», казалось, зажмурила фары от июльского солнца. Старший из офицеров повеселел. Солдатики восхищенно уставились на автомобиль. Замешательства Яна никто не заметил – недаром он был похож на оксфордского профессора. Сам он твердо приготовился к худшему и радовался, что ни жены, ни сына в городе нет.

«Худшее» называлось национализацией. Яну объявили, что дом № 21 переходит в собственность государства, а он, Майгарс Ян Янович (переводчик подмигнул), остается в прежней должности дворника.

Привыкать к отчеству, нелепому, как две шляпы на одной голове, было некогда. Следующий день ознаменовался вселением в хозяйскую квартиру вчерашнего майора, а в гараж – пожилого рябоватого шофера в солдатской форме. Отныне майор разлучался с «Олимпией» только на ночь.

Обитатели дома, особенно дамы, осаждали вопросами… нет, не майора, а дядюшку Яна. Кто-то обмолвился о переезде. Только – куда? Национализация захлестнула все дома, да и само присоединение республики к великому восточному соседу было не чем иным, как национализацией. А когда национализировали банки, дворнику перестали задавать вопросы, как и он перестал репетировать грядущий разговор с

хозяином, хотя не мог избавиться от чувства вины и беспомощности.

… Внешне на улице и в доме почти ничего не изменилось. Еще какие-то новые люди поселились на Палисадной улице, в конце, где стояли деревянные двухэтажные дома с заборами. В здании слева сколько-то лет назад начался ремонт, но не закончился, а как-то замер, и если раньше дом был похож на больного под наркозом, то сейчас впору было говорить о коматозном состоянии. Приют для вдовых и сирых и прежде жил шепотом, а теперь и вовсе притих. Вялый южный ветер нехотя, будто по обязанности, шевелит листву каштанов. Пышные кусты над заборами похожи на кашу, выкипающую из кастрюли. Редкие фонари горят вполнакала, и там, куда не дотягивается свет, все серое. Окна гаснут рано – не оттого, что люди стали рано ложиться спать, а чтобы не привлекать лишнего внимания. На то существуют ставни или шторы. Жарко и душно, но спокойней.

С улицы доносятся все звуки, и тревожней всего звучит тишина. Иногда проходит военный патруль: стук сапог, негромкая речь, шатающийся свет карманных фонариков. Полиции больше нет; вместо полицейских группами ходят заносчивые субъекты с повязками на рукавах.

Лето тянется долго. Дядюшка Ян озабочен: нужно запасти топливо на зиму. Дворник не отвечает за власть, но должен обеспечить отопление. Которое, кстати, потребуется и для власти тоже – вот она, на втором этаже. Несколько раз он

спускается в погреб; вроде бы угля должно хватить.

Проверяет сараи: дров маловато. Опять же, известно: если лето знойное, жди зимой холодов.

Разгружать уголь, пилить и складывать дрова обычно помогает Мануйла, молодой цыган. Он всегда рад подработать, особенно теперь, когда женился. Худой, как смычок, но удивительно гибкий и сильный, цыган легко таскает мешки с углем. Когда привозят дрова, они с Яном пилят. Дворничиха хлопочет на кухне и смотрит в окно на ловкого парня. Мануйла поворачивается, и тогда на левой щеке видно крупное багровое пятно. В первую минуту его хочется стереть, но у Мануйлы такое приветливое и открытое лицо, что пятно его не портит. От ровных движений пилы подрагивают завитки волос на шее.

Через несколько дней он приходит за расчетом. Хозяина все еще нет – теперь домом распоряжается какой-то *комитет,* но что такое этот комитет, никто не знает. Поэтому дядюшка Ян расплачивается из прежнего – хозяйского – запаса, который господин Мартин некогда завел для таких целей.

В августе почтальон приносит дворнику с женой конверт. Они читают, как прежде читали письма от сына, хотя письмо на этот раз от Густава, брата. Их лица разглаживаются: Валтер далеко. Оба знают где, но вслух не произносят: ни к чему. Какое-то время можно будет спать спокойно.

Ночи в августе гуще и темнее. Темноту протыкает свет фар – это возвращается майор. Иногда проезжают другие ма-

шины, потом все затихает.

Новый закон – закон о вредительстве – вначале появился в газетах, а потом, перепечатанный на машинке, прямо в доме на стене, под списком жильцов, так что создавалось впечатление, будто с новой властью пришли вредители, как тараканы, которых приносят неряшливые квартиранты.

Дама из благотворительного общества твердо знает, что новый закон не имеет никакого отношения ни к ней, ни к соседям, каковой мыслью и делится на лестничной площадке со старым антикваром.

Ночью дворник просыпается от резкого звонка, но еще раньше просыпается и подбегает к двери сенбернар. Доктор тоже просыпается и, не включая света, смотрит в окно. Машина. На лестнице голоса, стук сапог; кто-то звонит в соседнюю квартиру. Доктор обнимает пса за шею и ждет.

Дядюшке Яну никогда не случалось нарушать ночной покой жильцов, тем более сопровождать вооруженных людей и, что самое скверное, присутствовать – вот как сейчас в квартире антиквара. Второпях прочитанный ордер на обыск – буквы танцевали перед глазами – ничего не прояснил.

Хозяин не успел надеть халат и стоял, завернувшись в плед. Ему предъявили ту же бумажку, но без очков он не смог прочесть и, казалось, больше озабочен был тем, чтобы плед не соскользнул. Он жмурился от яркого света, властно включенного чужой рукой, в то время как незваные гости хлопали дверьми, а чужие руки твердо и уверенно наводили

хаос в его мире. Выдвижной ящик бюро был заперт, и замок взломали штыком.

– Оружие! – торжествующе и грозно воскликнул взломщик, и старик пришел в себя. Он поправил сползающий плед и мягко пояснил:

– Это французский мушкет, он…

Двое солдат схватили его за локти, и он оказался почти спеленутым пледом. Офицер вынул мушкет из ящика.

– Патроны! – потребовал он.

– Семнадцатый век, – заторопился старик, – такая редкость…

– Почему не сдали оружие?

– Это антикварная вещь! Извольте, я покажу вам… – он дернулся, подавшись вперед, и одновременно хлопнул выстрел; следом еще два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.